

United States Holocaust Memorial Museum
Oral History Interview
Belarusian Witnesses Documentation
Project

RG-50.674.0046.01.01

- Здравствуйте.
- Здравствуйте.
- Назовите, пожалуйста, ваше имя и фамилию.
- Василевич Анна Антоновна.
- Какого года рождения вы?
- С 29ого.
- Вы говорили, что вы родились на самом деле в 30ом году.
- Ну, в 30ом.
- Или вы просто так записали?
- Просто так записали, да. Метрику так сделали.
- Хорошо.
- Такую...
- Скажите вот еще, где вы родились именно?
- Большая Колпеница, Нововышеский район, область Барановичи.
- Несколько недель назад, к вам приезжали мои коллеги и вы им рассказывали о своих воспоминаниях, связанных с Второй мировой войной...
- Да.
- Вот мы как раз приехали, чтобы заснять, на видео ваши воспоминания. Скажите, пожалуйста, когда началась война, 41ом году, вы, где находились?
- Находились дома в Колпенице.
- Вы помните, как началась война?
- Помню. Очень помню, потому что, сразу же как началась война, мама пошла в город...когда-то из Колпениц носили молоко продавать...
- В город, в какой город?
- Барановичи.
- Барановичи?

- Барановичи.
- Были недалеко Барановичи?
- Да. И там уже их не пустили в город, в сам. Стали говорить, что началась война.
- А Барановичи от вас, сколько километров было?
- Три километра.
- Три километра?
- Может больше, да.
- Скажите, пожалуйста, у вас в деревне, до войны, проживали евреи?
- Нет. Не проживали, только один колпеницкий парень взял еврейку замуж.
- Вы помните, как девушку звали?
- Не помню.
- Угу.
- Не помню.
- А в Барановичах проживали евреи?
- Конечно, очень много проживало евреев в Барановичах. Я помню, что когда-то, когда я еще маленькая была, в магазины ходили покупать там, или что, там всегда были евреи, евреи. Они были такие, что могли и дать в долг и все вот такое. У всех были знакомые, евреи.
- Знакомые были, как у ваших родителей?
- Да, да, да. Ну, они поедут покупать или обувь или одежду, и уже знали в каком магазине, им уже доверяли, проверяли, брали у них в долг.
- Вы помните, как звали этих знакомых?
- Нет.
- Не помните?
- Нисколько не помню.
- А когда вы в школу ходили, вы ходили в вашу деревню или в Барановичи?
- Нет, в деревню.
- В деревню?

- Да, была там школа. А потом уже ее партизаны спалили. Или партизаны или немцы, не знаю, кто спалил, школы не было. Тогда уже в Барановичи ходили.

- Когда началась война, вы видели, что случилось с евреями в Барановичах?

- Нет, мы не видели, но я вот, помню, это уже было в 42ом году, мама лежала в больнице и жила у меня мамина сестра, жила на улице Светиловской.

- Она где в больнице лежала?

- В городе Барановичи, улица называлась Санаторская. Теперь я даже не знаю, как ее называют, там была больница и вот она там лежала. Там и немцы лежали раненные и она там лежала. И вот я ходила в больницу, навещала ее, с тетей Стефкой, которая маминой сестрой была, на Светиловской улице жила. И вот мы ходили, в больницу, и там где сейчас молодой парк, был рынок. Базар – рынок. И вот однажды, мы зашли на рынок и туда привезли парня. Не знаю, кто он был, русский или бог его знает. На грузовой машине, там специальные столбы были поставлены и часто вешали. Вешали партизан, хотя партизан в то время еще не было, в 41ом году. Они появились, партизаны в конце 42ого года.

- И вы видели...

- И я видела, на моей памяти, ну какая у меня память, какая я была, мне 12 лет было. В общем, как подъехала грузовая машина и вот к этому столбу, поставили этого парня на ящик и тогда петлю ему на шею и выбили ящик и машина отъехала. И с такого испуга, меня тетя больше не водила на базар.

- Угу.

-Ну, рассказывали, что каждый день висельники были на базаре.

- Скажите, пожалуйста, его привезла машина, какая, грузовая или простая?

- Грузовая.

- Грузовая?

- Грузовая.

- Она была крытая или открытая?

- Нет, кузов просто кузов, открыли этот...

- Борт?

- Да, борт открыли, ну мне такое завпечатлилось.

- А кто привел его, как бы немец или полицейский?

- Ну, я не знаю, форма была черная. У немцев же зеленая форма была, а это какая-то темная.
- Один человек был в машине, или несколько?
- Нет, несколько, несколько человек было, я не знаю сколько, но несколько человек было.
- А тот, кто выбивал, он один был?
- Один, один.
- Вы не слышали какого-нибудь разговора, чтобы один человек скомандовал что-то?
- Нет, ничего я не слышала. Я просто я с испугу, со страху я...
- А на каком расстоянии вы были, когда это все наблюдали?
- Ну, как сказать на каком расстоянии, ну может быть метров 20 или 15. Близко совсем.
- Кроме этого парня, там висели еще какие-то люди?
- Нет, никого тогда не было.
- Никого?
- Нет. И табличка была, там висела табличка, там было написано кто он такой или что.
- А не помните, что на ней было написано?
- Нет, нет.
- Табличку они повесили потом, или он уже с табличкой приехал?
- Он уже с табличкой приехал. С табличкой уже был.
- На одежде этого парня, не было никаких нашивок, никаких знаков?
- Ничего не было. Может, и были, но я не видела.
- Он был в гражданской одежде или в военной?
- В гражданской, в гражданской.
- А ваша тетя не говорила, откуда парень?
- Нет, нет, нет. Она ведь тоже не знала, откуда он и что. Не говорила, нет.
- Сколько времени... вот это произошло, сколько времени вы это наблюдали?
- Ой, ну мы не наблюдали. Когда уже ящик выбили, с такого страху, тетя взяла меня за руку и ушли быстро мы оттуда.

- Это единственный случай, когда вы видели там повешенного?
- Да, единственный. Больше меня тетя не водила туда.
- Ага, но вы сказали...
- Но рассказывали, что вешали почти каждый день.
- Ага, кто вам рассказывал об этом?
- Ну и тетя рассказывала об этом, и родственники рассказывали.
- Ваша мама, как долго она в больнице лежала в Барановичах?
- Долго. Три месяца, месяца три лежала. В 42ом это году.
- Это было летом, или осенью, или зимой?
- Это было или в конце...я уже точно не помню, или в конце, марта или в начале апреля, уже осень прошла.
- Я вас спрашивала, начинала с того, что вы знаете, что случилось с евреями из Барановичей?
- Ну, я что видела там, то расскажу. Видели когда...мы знали, мы знали, что было гетто...
- Где было это гетто?
- Ну, точно на какой улице, какие улицы занимало, я не знаю. Но вроде бы, в стороны Куйбышева, улицы, вроде бы там. Но я его, гетто не видела. Я видела, вот когда мы идем в больницу, и эти патрули ходят, евреев ведут на работу, просто как солдат, с охраной, на них были нашивки – желтая звезда, спереди и сзади. Желтые звезды были и их гнали на работу и с работы?
- А на какую работу гнали?
- Не знаю, на какую работу, с какой работы, что они делали, просто посредине улиц шеренгою шли, и молоденькие эти и всякие.
- Только мужчины были?
- Нет, не только мужчины, и женщины и всякие.
- И женщины были?
- И женщины.
- Но детей там вы не видели?
- Нет.

- Угу, обычно, сколько в такой колонне человек было?
- Ой, я не могу сказать, но большие колонии.
- Вы думаете там несколько десятков или может...
- Ну, конечно, может человек 30-40. Большие колонны.
- У них были с собой какие-то инструменты?
- Нет, ничего не было.
- Ничего не было?
- Нет.
- А патрули, это были немцы или полицейские были?
- Были и немцы, были и полицейские. И эти в темном, наверное полицейские, я даже не знаю, что за эти... И немцы, немцы наверное отличались только тем, что они были в зеленом, форма зеленая, а эта темная была. А кто они были?
- У них были какие-то повязки или знаки отличительные, вы ничего такого не помните?
- Нет, не было.
- А вы не слышали, на каком языке разговаривали, эти в темных...
- Нет, нет.
- Как часто вы видели такие колонны?
- Часто, часто. Вот когда на базар мы ходили, точнее на базар мы не ходили, но когда в больницу ходили, и там ведь, теперь Советская улица, называется так, там видели.
- Видели, как и обратно идут?
- Нет, обратно, нет. Наверное, вечером, сопровождали их назад, но мы не видели.
- В одну сторону?
- В одну сторону.
- Всегда?
- Да.
- Вы видели, как обращались с этими людьми в колоннах?
- Нет, они вели их спокойно.

- То есть не было, такого, чтобы...
- Не было.
- Чтобы жестоко обращались не было?
- Не было, не было.
- А ваша тетя никогда не ходила в это гетто?
- Нет, никогда она не ходила, никогда не говорила, что она ходила.
- А что случилось потом, с этими евреями из гетто, вам известно что-нибудь?
- Я вам скажу, вот что я видела. Это было тоже, как-то перед пасхой. В 42ом году, это был тоже, или апрель месяц, или в конце апреля, вот такое время. Пасха, наверное, в апреле была. И вот я шла к тете, там, где сейчас завод стоит, стоит шоссе и этот переезд. И я шла, и этот переезд был, и я уже к тете шла, тетя жила по Светиловской улице. И вот на шоссе, там, где озеро это вот, там где завод, стояла машина – грузовая, и целая грузовая машина евреев. Почему евреев, именно, потому, что они были с этими знаками.
- Желтыми, про которые вы говорили?
- Да. Впереди два этих охранника и сзади два и полная машина евреев. Там и дети, всякие там были, всяких возрастов. И проехали переезд, и поехали туда, сейчас это называется “Зеленый мост”. И туда, поворот. Я не знала, куда их ведут. Я стала рассказывать и все стали говорить, что, мол, возят евреев и расстреливают. Там какой-то котлован, за “Зеленым мостом”, туда, где я говорила, и расстреливают там, скидывают в этот котлован. Вот. Вот это я видела, как их везли, а сколько машин, ну я одну машину видела.
- Это было в тот же период, когда мама в больнице лежала?
- Да.
- Угу.
- Да, да, да.
- Перед пасхой?
- Перед пасхой.
- То есть это апрель был или что-то такое?
- Ну, вот я не помню. Пасха ведь бывает не в одно время.
- Да, да, когда попадет...

- Или апрель, или в конце марта, вот в такие. Но уже снега, ничего такого не было, уже зеленая трава была, все вот такое.

- Эта машина... вот вы объясняли, как и куда она сворачивала, я правильно понимаю, то она из города выезжала?

- Она из города выезжала, переезд переехала и туда...

- Опять-таки, она была открытая?

- Ну, эти кузова...

- Кузова?

- Кузова, закрыты все были.

- Бортовая машина?

- Бортовая машина, грузовая.

- Но без...

- Без, там ничего не было, они сидели просто... полная машина.

- Выбыли на обочине, близко от машины находились, когда она ехала?

- Ну, близко, считай на самой обочине, близко.

- Как вы думаете, сколько людей там могло сидеть?

- Ой, ну я не могу сказать, но полная сидели просто, но полная, полная. Сколько там было, бог его знает.

- Там были женщины?

- И женщины и дети, разных возрастов.

- Ага, были слышны их голоса, они что-то говорили?

- Нет, молча, ехали.

- Молча?

- Молча.

- Вы кого-нибудь узнали?

- Нет.

- Не узнали, никого?

- Нет.

- А когда вы говорите, что было как бы два постовых, и спереди и сзади, вы имеете в виду в кузове, или как бы они в кабине сидели?

- Нет, в кузове.

- В кузове?

- Да. В кузове, два впереди и два сзади, вот всего... и потом говорили, уже, что, когда я домой пришла, и говорит: "почему они так покорно едут, почему они не разбегаются, там ведь всего четыре патруля там..."

- А патрули эти, они были немцами, или опять-таки, теми, про которых вы говорили?

- Два было немца и два было, этих, в темном.

- Понятно, после того как машина отъехала и поехала дальше, вам были слышны какие-то выстрелы?

- Нет.

- Не слышали?

- Не слышала. Я пошла сразу туда под город, на переезд туда и не слышала, нет. Да мне и не приходило в голову, что-то прислушиваться, услышать или что. Да и возраст ведь детский совсем.

- Вы когда-нибудь, на то место, где говорят, происходил расстрел, вы там бывали?

- Вот я это помню, зрелище это, страшное зрелище. Я коров не посла, в деревнях ведь пасут, сами пасут, я не пасла, но мой брат пас. А я заменяла, его иногда подменяла. И вот когда мы коров пасли, пошли в гай туда, в Копенице же лес есть, гай называется. Погнали мы туда, я и там еще, ну дети, погнали пасти. И друг наши коровы как стали в кучу, начали реветь и драть землю, просто мы испугались, а они все в кучу вот так. Это ужасно. Мы стали их разгонять, и там две канавы были вкопаны, две длинные, длинные канавы. Одна и вот рядом, вторая. И из этих канав мы коров разогнали и эта земля, она аж, кажется, как будто дышит. Пена белая из этой земли, из этой канавы. И мы этих коров, когда разогнали, мы их скорее домой погнали. И рассказали своим родителям, ну и через день, или через два стали говорить, что привезли целый эшелон, но не знали кого, евреев или кого, никто не знал, и расстреляли их там, вот. Вот такое я видела. Страшное это.

- Это произошло в то же самое время, что и...

- В то же время. Это уже позже я видела, эту самую...

- Машину?

- Машину, да. Может через неделю или через две, вот так.

- Ага, то есть это очень...

- Близко.
- Близко по времени?
- Да, да по времени близко.
- Это было в том же направлении, куда их вели или в другом направлении лес, то где вы били с коровами?
- Мы с коровами были в другом направлении, там гай, там дороги не было, там железная дорога проходила.
- Это было возле железной дороги?
- Возле железной дороги, это было. Вот эти канавы. Ну может метров сто от железной дороги. Длинные, длинные канавы.
- Длинные, насколько длинные они были?
- Ой, длинные, я даже сказать вам не могу. Одна вот так, может метров пять и другая, вот такая вот, может тоже, длинная такая.
- Метров пять, вы имеете в виду ширину или между ними разницу?
- Нет, этот...
- Промежуток?
- Промежуток, пять метров. Да, может пять, может больше.
- А какой ширины были эти канавы?
- Широкие канавы.
- Ну, два...
- Ну, широкие, как вам сказать...ну кто его знает, может как наша комната, вот такие, может уже.
- То есть примерно, три метра?
- Может вот такая, как от стены.
- Три метра примерно, в общем.
- И вот такое, это ужасно. Там стоптана трава была кругом, это все. Ну и вот, мы когда сказали, наши вот родители, стали говорить, что привезли целый эшелон. Откуда? Потом, вроде бы, начали говорить, что с Чехословакии, или откуда привезли, не знаю. Привезли и расстреляли.
- А там...

- Теперь ведь памятник там стоит, колокол или что-то такое, я не была там. Не была ни разу, не знаю.

- Вы говорили, что там какая-то пена белая была.

- Да, там была. Может кровь превратилась в эту пену, может...я не знаю. Мы ведь не знали, дети вот такое. А коровы всегда режут, когда учуют кровь, какую-то, вот они...

- Там была кровь, вы видели ее?

- Нет, крови не видно было уже. Там ведь сколько дней прошло, после того как они их расстреляли.

- Можно я уточню, вы говорили, что канавы были очень длинные?

- Длинные, это 10 метров, или 100 метров, или 20 метров?

- Знаете что, так, чтобы точно рассмотреть, мы и не смотрели, со страху, из-за этого всего...

- Угу, вы даже не видели конца, как бы, где все это заканчивалось?

- Да, да. Мы просто коров своих отогнали, и домой погнали их.

- Эм...

- И потом, мы сказали вот, что пену видели, и мой отец говорил, что они кровь почуяли. Ну, кровь, когда они чувствуют, они реагируют, реветь начинают.

- Скажите, пожалуйста, вам известно, что случилось со всеми этими евреями, которые находились в гетто, в Барановичах?

- Их, говорили, что всех расстреляли, кто в гетто был.

- Всех расстреляли?

- Да.

- Так люди говорили?

- Так люди говорили.

- А были такие...

- Может, там партизанов расстреливали, или еще что, но...

- Вам известны какие-то случаи, чтобы кто-то спасся из них?

- Нет, нет.

- Не было таких?

- Ну, я не слышала, чтобы говорили, чтобы кто-то вот спасся. А может, и были такие, чтоб спасся, но все боялись говорить.

- Вы в прошлый раз рассказывали моим коллегам, что какого-то ребенка выбросили...

- Это да. Это в Колпенице, по соседству, жила семья, и вот у них родственница жила, но где она жила, я не знаю. И приезжала, она учительницей была, и приезжала к ним в гости. И вот она шла из города, и везли этих евреев, ну, расстреливать, и из кузова выбросили маленького ребенка. Прямо в откос, выбросили. Маленького совсем ребеночка. И проехала машина, она его подобрала и принесла его домой. Вот. Но я его не видела и нам никто не сказал. Уже потом стали говорить, что вот она...и сразу же она уехала. Она боялась, если кто-то скажет, что вот она еврейского ребенка подняла. И она уехала. И не знаю даже, как ее звали, но у нее кличка была "Красноглазка".

- Это кличка такая?

- Что?

- Это кличка что ли?

- Наверное, кличка "Красноглазка".

- А кто разузнал про ребенка? Кто вам сказал, что она взяла ребенка?

- Сказала там девочка, она была еще меньше меня.

- В их семье?

- В их семье. Да, ее звали Зина...

- То есть, получается племянница этой...

- Племянница, да. И она сказала, вот уже по секрету говорит, чтобы я никому не говорила, ничего. И она уехала потом. Вот. Она себе забрала этого ребенка.

- Она тогда же вам рассказала, когда, во время войны или после уже?

- Нет, тогда, тогда, сразу, на второй или на третий день. Но она сразу, же уехала с этим ребенком.

- Это единственный случай, чтобы вам было известно, о том, чтобы кто-то вам сказал, что кто-то как-то смог спастись, больше таких случаев не было?

- Больше нет. А вот парень, который женился на еврейке и его расстреляли.

- Этого парня тоже расстреляли?

- Расстреляли, вместе с женой.

- Как этого парня с женой звали, помните?

- Не знаю.

- Не знаете?

- Нет.

- А когда и как расстреляли их?

- Ну, они ведь, точнее она была еврейкой. Жили они не в Колпенице, а жили в городе, и вот их когда в гетто их всех...они в гетто были.

- То есть, он переехал туда, когда женился?

- Да.

- Еще до войны?

- Да, еще до войны это было. Я мало помню, когда они женились, уже потом рассказывали, вот, что они женились, а потом ее расстреляли, и его расстреляли. И дети у них были, и семья у них была.

- А не знаете, почему его расстреляли, если он не еврей, не говорили люди?

- Ну, говорили люди, что его и всю семью, всю семью расстреляли.

- У них дети были, или не было?

- Были, были. Но я не знаю, сколько было, или что. Потому что они здесь и не жили, в Колпенице, а сразу в городе.

- Понятно. После того, как война закончилась, или вот, когда уже немцы ушли, в Барановичах остались евреи?

- Не знаю, не знаю. Этого я не могу сказать, потому что не знаю.

- Скажите, пожалуйста, кроме евреев, тогда убивали людей других национальностей?

- Ой господи, сколько еще убивали.

- Вы что-то лично видели?

- Нет, не видела.

- А что вам известно?

- Только видела вот что. Немцы засекли, что в нашу деревню, как-то, ночью пришли партизаны, Это было в 43м году, партизаны появились. И немцы засекли, засекли. Один, партизан, был с нашей, Колпеницы – парень, а два партизана были...один был, пленный офицер – русский; попал в плен...и раньше немцы раздавали, могли взять и...

- Освободить?

- Освободить в качестве работника или что. И вот его взяли одного, я даже помню фамилию – Ведерников.

- Ведерников?

- Ведерников. Вот и когда стали партизаны, кто взял этих пленных, они ушли в партизаны.

- И вместе с ними ушел этот человек тоже?

- Да и наш парень, с Колпеницы ушел в партизаны. И вот, когда в одной, в одной, квартире, окружили немцы, тот дом и хотели живьем взять. С ними еще один был, их было три человека. И вот два как-то сбежали, а вот этого Ведерникова, тогда была зима, и Ведерникова застрелили. Он бежал, по болоту, его застрелили. Вернее не застрелили, а ранили, он лежал на снегу раненый, а третий, убежал, ушел. А один остался, этот, который нашей Колпеницы, парень. Его хотели живьем взять, он сражался, пока мог сражаться, отстреливался, и целую ночь, он мучился, а на утро, он сам себя застрелил. Не сдался он.

- Вы эту стрельбу слышали?

- Ну, конечно, это же в деревне было. Там был такой страх, думали всех поубивают и...

- А этого парня не помните, как звали?

- Вот забыла как... Степа.

- Степан, да?

- Нет, называли Степа.

- Степа, это как уменьшительное?

- Да, а вот фамилию я не знаю его.

- А Ведерникова, вы видели его раненного?

- Нет, нет, нет. Не видела. Я не знаю, кто его уже потом. Его потом, затащили люди, он уже потом скончался, от ран этих. Его затащили в сарай, где батюшка жил, батюшка там жил, в его сарай затащили. А я не знаю, или вечером его похоронили на кладбище, в Колпенице, или днем, я не знаю. Потому что боялись немцев, чтобы они не узнали, что вот, похоронили. А этого Степу, который застрелился, его привязали к саням, запрягли лошадей и по всей деревне, мертвого тащили.

- А кто его тащил по деревне?

- Ну, эти, наверное, полицаи, потому что в темном были.

- Ээм...

- И на глазах у матери, его мать жива была, но мать ее не тронули немцы. Тогда я не знаю, как обошлось, что никого больше не тронули.
- А вам приходилось, тогда еще, в те годы военные видеть военнопленных где-то?
- Почему же нет? Вот тут на центральном был какая-то, как...
- На центральном в смысле в Барановичах?
- В Барановичах, вот тут, где вокзал центральный. Вот тут стояла, в общем была школа, и за оградой были пленные, и дети-ученики, носили им это, хлеба кто-нибудь, через сетку, давали им, ученики.
- А вы когда-нибудь там проходили или видели что-нибудь?
- Я проходила.
- Один раз или несколько?
- А?
- Один раз или много раз проходили?
- Нет, один раз я видела.
- Один раз?
- Один раз видела. И потом, я девочек знала, которые в школу туда ходили, и они говорили, что приказали, чтобы не носили, не давали, а то и вы попадете туда.
- И кто приказывал? Кто говорил, чтобы не носили?
- Ну, учителя.
- Угу, учителя говорили?
- Да, предупреждали, что и вас туда в этот лагерь заберут.
- И что собой представлял этот лагерь? Как он выглядел?
- Ну, как забором обнесен, проволокой колючей перегорожен.
- Забор деревянный был?
- Столбы деревянные были, и проволока обнесен был. И в Колпенице был лагерь, тоже военнопленные были. Пленные, но пленные были уже немцы.
- В Колпенице пленные немцы?
- Да, это уже между Колпеницами там, между Колпеницами там Большая Колпеница, Малая Колпеница. И тоже, возле церкви, там, возле кладбищ, было тоже, такая, как назвать...

- Давайте попробуем разобраться, те которые были в Барановичах, это были советские военнопленные, да?

- Да, были советские солдаты.

- Там много их было?

- Много было, ну кто же знает...

- Десятки или сотни, вы думаете, что там были?

- Ну, я не могу сказать, сколько их там было, они же не все там, возле забора стояли.

- Там были какие-то здания, кроме этой школы?

- Там жили, где огородили, там ведь дома были...

- Они жили внутри этих зданий?

- Да, внутри этих зданий.

- В каком состоянии были эти военнопленные? Как они выглядели?

- Ну, как вам сказать, как пленные. Конечно, в нехорошем состоянии они были.

- Ну, как они одетые...

- Одетые, обутые, да.

- Раненных среди них не было?

- Нет, не видела. Но я же один раз, видела это все и...

- Охрана было много там?

- Не знаю, там охраны не видно было, только забор этот и все.

- Когда вы их видели, на территории, этого места, они что-то делали, работали или ничем не занимались?

- Ничем не занимались, в то время ничем не занимались.

- Это было в тоже время, когда вы к своей маме в больницу ходили или в другое время?

- Нет, нет, нет.

- Раньше?

- Это позже.

- Позже?

- Позже это было. Это было, наверное, даже в 43м году.
- Понятно, что с ними стало, вам не известно?
- Никто не знает, не знаю я этого. Мы ведь детьми были, мы этим не интересовались.
- А пленных немцев, когда вы видели?
- А пленные немцы почти на свободе ходили. Ходили, побирались, я не знаю, и никакого патруля за ними не было.
- Но все равно, вы говорили, что их тоже держали в каком-то месте, с колючей проволокой?
- Да, там тоже колючая проволока была.
- Но они выходили оттуда?
- Выходили, выходили и некоторые даже просили милостыню у богатых.
- Помните, в каком году это было?
- Ну тоже в 43м году это было.
- Вы не помните, это была: зима, осень, лето?
- Весна была.
- Весна была?
- Да, но я не помню, какой месяц. Наверное, с весны.
- И много там их было, в этом месте?
- Нет, не много.
- В смысле не много...
- Там ведь, там кладбище копеницкое, вот это, там новая дорога проходит, и между кладбищем и новой дорогой, там была, зона такая...
- Вы сказали, что немного, вы имеете в виду немного времени, или немного людей было там?
- Немного людей было.
- Понятно. А так этот лагерь простоял долго?
- Долго стоял, долго. А потом его снесли.
- А что с немцами стало?

- Не знаю.

- Не знаете?

- Не знаю.

- Были еще какие-то случаи, которые вы видели, как убивали, или избивали, или мертвых людей?

- Нет, нет, не видела этого. У нас произошло, в Колпеницах, раз застрелили, немцев. И вот все, убегали кто куда. Думали, что уже немцы придут и людей поубивают и спалят. Но ничего, никого не тронули. А только Солтуса, это, арестовали, а Солтусы, они были непостоянные, их по месяцу назначали, по два.

- А что это – Солтус?

- Ну, я не могу сказать, как это...Солтус.

- Это как староста?

- Ну, староста, да?

- Который ответственный самый?

- Да, да, да.

- А как фамилия этого старосты?

- А я же говорю, по порядку.

- Ну, а этого, которого арестовали, его фамилию не помните?

- А этого старосту, когда его арестовали – Кухта был.

- Кухта?

- Да.

- Угу. Он потом вернулся этот староста?

- Вернулся, вернулся. Там вот когда наших арестовывали, там вот его, тоже.

- Долго его там продержали?

- Ну, я не знаю, сколько он был там, я не знаю. Наверное, покуда он был не пришли русские.

- То есть его там до конца войны держали?

- Да.

- Понятно. Спасибо, мы остановимся здесь, спасибо.